

ИСТОРИЯ ГЛУХИХ БЕЛАРУСИ: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматриваются степень научной разработанности проблемы в историографии и аспекты, не нашедшие в научных публикациях своего отражения. Выявлено отношение государственных и общественных деятелей к глухим и жестовому языку, которое на различных этапах носило противоречивый характер. В работах отечественных и зарубежных ученых весьма отрывчато рассматриваются вопросы истории глухих и общественного объединения «Белорусское общество глухих». Автор приходит к убеждению, что политические изменения определили отсутствие интереса со стороны историков к данной проблеме на протяжении многих десятилетий.

Ключевые слова: историография, глухие, Беларусь, социокультурная парадигма, жестовый язык, социокультурное лингвистическое меньшинство, лингвистические права.

Введение. Выявление степени научной разработанности проблемы становления и развития «Белорусского общества глухих» относится к разряду наиболее специфических. Следовательно, мы обратимся к исследованию, включающим её основные положения, что, в наш взгляд, даст возможность четко указать, чем исследуемая нами тема отличается от ранее изученных, носящих отрывчатый, несистемный характер.

Основная часть. Исторические сведения о глухих отмечены в эпоху Великого Княжества Литовского и Российской империи [8, с. 6], которые, как нам представляется, не отражают различные исторические аспекты жизнедеятельности глухих, однако, свидетельствуют об отношении общества и государства к людям с проблемами слуха на различных этапах социально-экономического и политического развития России и Беларуси.

Русский философ XVI в. А.Н. Радищев, как участник Комиссии по составлению законов при Александре I, является автором издания «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790 г.). А.Н. Радищев придавал воспитанию глухих ведущую роль в формировании человека-гражданина. Рассматривая вопросы развития ребенка с естественнонаучных позиций, он стремился

HISTORY OF DEAF OF THE BELARUS: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

The article deals with the degree of scientific development of the problem in historiography and aspects that have not found reflection in scientific works. The attitude of state and public figures to deaf and sign language, which at various stages was controversial, was revealed. In the works of domestic and foreign scientists, the issues of the history of the deaf and the National Association «Belarusian Society of the Deaf» are very vaguely examined. The author comes to the conviction that political contradictions have determined a lack of interest on the part of historians to this problem for many decades.

Keywords: historiography, deaf, Belarus, socio-cultural paradigm, Sign Language, sociocultural linguistic minority, linguistic rights.

определить роль различных органов чувств и словесного языка в становлении человеческого мышления. Обсуждая вопросы патологии тех или иных органов чувств, А.Н. Радищев высказывал интересные мысли о своеобразии развития людей, лишенных слуха. Во-первых, он отмечал, что неслышащие общаются между собой жестами, подчеркивал, что они «мысли свои заключают в знаках, подлежащих зрению» [15, с. 81], то есть считал возможным формирование коммуникативной и мыслительной деятельности на основе жестовой речи. Во-вторых, А.Н. Радищев был уверен, что глухого необходимо обучать словесной речи, «чтобы разум его воспарил до изобретений речью одаренного» [15, с. 81].

Одной из наиболее ранних публикаций в России является работа В.И. Флэри «Глухонемые, рассматриваемые в отношении к способам образования, самым свойственным их природе», вышедшая в Санкт-Петербурге в 1835 г. В этой книге автор изложил свои взгляды на глухонемого ребенка, на задачи, содержание, методы, речевые средства обучения и воспитания. Многие идеи В.И. Флэри опередили время [19]. Издание даёт ответы на многие вопросы, касающиеся научно-исторических аспектов жестового языка и образования.

Для истории глухих на современном этапе интерес представляет исследование представителей династии Романовых, проведённое В.Ф. Мелеховцом, которое было опубликовано в бюллетене «Коммуникация» (раздел «История глухих») в статье «Император и императрица». В ней прослеживается связь истории глухих с императорской семьей: «Великий император Александр I страдал глухотой на одно ухо и, будучи императором, от своей фаворитки Марии Антоновны Нарышкиной имел внебрачного глухого сына, впоследствии под именем А. Маквица закончившего Парижский институт глухонемых» [12, с. 5].

Главный редактор бюллетеня «Коммуникация» В.Ф. Мелеховец впервые среди специализированных изданий стран постсоветского пространства, начиная с 1998 г., поднимает проблемы истории глухих и жестового языка.

«Интересен исторический факт, что после открытия в 1806 г. училища глухонемых в Павловской крепости, императрица Мария Фёдоровна в своей переписке с директором Парижского института глухонемых аббатом Сикаром оживлённо обсуждала проблемы обучения глухих. По предложению аббата должны были приехать в Россию глухой Лоран Клерк и Жоффри, но Александр I посчитал дорогостоящим удовольствием и пригласил одного педагога Жоффри... Это был период войны с Наполеоном.» [12, с. 9–10].

Сохранившиеся сведения свидетельствуют о том, что ещё ранее императрица Екатерина II вела переписку с основателем первого в мире специального учреждения – Парижского института глухонемых Шарлем Делеле [1, с. 9]. С чем связан подобный интерес Екатерины Великой к образованию глухих? Как пишет академик Н.А. Малофеев, это был один из периодов правления монархов Российской империи, когда их участие могло относиться ко второму этапу эволюции формирования отношения общества и государства «...к осознанию ответственности за социальную опеку инвалидов и первому признанию возможности обучения глухих...» [10, с. 59].

История глухих претерпевала значительные изменения и умышленные искажения в связи с господствующей идеологией в обществе, зачастую не имея ничего общего с реальной действительностью. С конца 80-х гг. XX в. началась переоценка исторических событий, связанных с историей Беларуси. В частности, интерес представляет вопрос: кто и когда начал профессиональное обучение глухих в Беларуси.

Первые учреждения для глухонемых создавались и существовали за счёт филантропиче-

ских и добровольных пожертвований богатой знати, платы за пансион и мизерные субсидии некоторых местных управлений и церковных приходов. В Беларуси до 1917 г. только 12 чел. смогли получить начальное образование в частной школе, открытой учителем И.О. Васютовичем – выпускником Санкт-Петербургского училища глухонемых, учеником и последователем В.И. Флэри. За учёбу родители неслышащих учеников платили по 5 руб. в мес. [3, с. 12]. Интересен сам факт, что И. Васютович ставил своей целью открыть частную школу для глухих детей, чтобы «...помочь своему глухому племяннику Володе Васютовичу» [3, с. 11] получить образование, который впоследствии стал одним из основателей Белорусского общества глухих [11].

Для современных исследователей история глухих представляет интерес создания подобных учреждений в Беларуси, так как в официальной истории сурдопедагогики и исследованиях ученых советского периода немало противоречий. В специальной литературе 20–30-х гг. XX в. начало обучения глухих связывалось с царской семьей, но тут же делалась оговорка о том, что это был всего лишь филантропический поход, касавшийся исключительно детей из богатых семей, в то время как дети бедных слоёв населения Российской империи были лишены возможности получить образование. В 50–60-е гг. XX в. возобладала точка зрения, отрицавшая участие царской семьи в организации просвещения глухих. Начало обучения глухих в истории сурдопедагогики стремились отнести к XI в., а формирование системы – ко второй половине XVIII в. [2].

Аналитический подход наблюдается в статье И.М. Боблы, размещённой в бюллетене «Коммуникация», что с середины XVIII в. на белорусско-литовских землях «начинается процесс постепенного обмирщения культуры» и складывается более благоприятная интеллектуальная атмосфера. С этого времени продолжалось активное накопление и обобщение научных, медицинских и психолого-педагогических знаний, послуживших основой для выводов о наличии у детей с нарушениями зрения, слуха, речи и интеллекта компенсаторных возможностей, о целесообразности и необходимости организации специального воспитания и обучения детей с тотальным нарушением деятельности отдельных органов чувств [4, с. 3]. Материалы статьи достаточно глубоко отражают многие аспекты становления образования детей с нарушением слуха. Вместе с тем, следует сказать, что в ней изложены лингвистические, фольклорно-этнографические и юридические

материалы, отражающие положение детей с нарушением слуха в обществе. Указанные публикации представляют интерес для проведения более глубоких исследований по истории глухих как науки [5].

Рассматривая отношение видных советских государственных деятелей к глухим и жестовому языку, среди них следует выделить Н.К. Крупскую и И.В. Сталина, что, с исторической точки зрения, мы можем констатировать, как факт официальной идеологии. Интересен и поучителен пример Н.К. Крупской, убежденной марксистки, преданной идеалам революции. Н.К. Крупская много лет являлась одним из создателей и руководителей советской педагогики. Однако, наряду с марксистско-ленинской ортодоксальностью, ей были присущи гуманистические убеждения. В отличие от И.В. Сталина, глухие в ее картине мира занимали совсем противоположное место. Н.К. Крупская получила европейское образование, воспитывалась в лучших семейных традициях, свойственных прогрессивной интеллигенции, что позволило сформировать у нее определённый менталитет и взгляд на глухих и жестовый язык. Как пишет российский исследователь жестового языка и истории глухих Г.Л. Зайцева, «мы находим высказывания Н.К. Крупской о глухих, проникнутые пониманием их проблем, интересом к их жизни и судьбе, размышлениями об их месте в обществе. Из истории ее детства мы узнаем, что Н.К. Крупская познакомилась с двумя глухими детьми – Машей и Сашей, она любила играть с ними, наблюдала, как они разговаривают между собой и со своей матерью, и у нее сформировалось представление о глухих, как о гордых людях, стремящихся к независимости. Н.К. Крупская подчеркивает, что общение глухих на жестовом языке произвело на нее огромное впечатление. Жестовый язык показался ей очень выразительным и впечатлительным, иначе говоря, Н.К. Крупская признает, что жестовый язык вполне эффективно осуществляет свою коммуникативную функцию» [7, с. 6]. Глухие дети, по мнению Н.К. Крупской, по своему интеллекту вполне нормальные дети, имеют те же интересы и навыки, что и слышащие сверстники. Это – «наши дети», «наши люди», и общество обязано предоставить им равноправие и независимость. «Закон и говорящее окружение должны защитить их право, необходимо всячески помочь войти им в жизнь, занять в ней свое место» [9, с. 24–25].

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что отношение к глухим и жестовому языку являлось неотъемлемым атрибутом государственной политики в СССР. Как указывает Г.Л. Зайцева, в сталинский период «социалистическое сознание советского общества провозглашало постоянно лозунг всеобщего равноправия всех граждан Страны Советов. Советская Конституция содержала положение о предоставлении гражданам страны всех политических и гражданских прав» [7, с. 5]. Вместе с тем жестовый язык был запрещён в специальном образовании, когда господствовал «чистый устный метод».

Материалы из выступлений И.В. Сталина убедительно доказывают, что он в своей ментальности был полной противоположностью Н.К. Крупской. И.В. Сталин указывал, что «... глухонемые – биологически и социально – ненормальные люди, не имеющие языка. Мысли глухонемых возникают и могут существовать лишь на базе тех образов и представлений, которые складываются у них в быту ..., благодаря чувствам зрения, осязания, вкуса, обоняния» [18, с. 31]. «Обсуждение проблем «аномальных» и «безъязычных» глухонемых не представляет интереса для социалистического общества (провозгласившего равноправие!)» [7, с. 6], к такому выводу приходит Г.Л. Зайцева и далее, «ручной» язык глухонемых – «это не язык и даже не суррогат языка», потому что он крайне бедный и ограниченный. Его нельзя приравнять к звуковому языку, как «нельзя приравнять первобытную мотыгу к современному гусеничному трактору с пятикорпусным плугом...» [18, с. 40]. О государственной политике по отношению к глухим в этот период красноречиво свидетельствует следующий факт. В детском городке Парка культуры и отдыха в Москве и других городах Советского Союза висели плакаты: «Глухонемые и слепые не принимаются». Такие представления о глухих людях коммунистического лидера вполне объясняют, почему «ненормальным» и «безъязычным» глухим детям нельзя играть в парке со своими нормально слышащими сверстниками! К сожалению, сформированная ментальность в эпоху тоталитаризма не изжила себя полностью, последствия которой мы ощущаем и сегодня как пережиток прошлого.

Следует подчеркнуть, что любые высказывания И.В. Сталина сразу же возводились в ранг непогрешимого догмата и закона. Этим, в частности, объясняется тот факт, что проблема жестового языка практически ушла из советской

Для истории глухих на современном этапе интерес представляет исследование представителей династии Романовых, проведённое В.Ф. Мелеховцом, которое было опубликовано в бюллетене «Коммуникация» (раздел «История глухих») в статье «Император и императрица». В ней прослеживается связь истории глухих с императорской семьей: «Великий император Александр I страдал глухотой на одно ухо и, будучи императором, от своей фаворитки Марии Антоновны Нарышкиной имел внебрачного глухого сына, впоследствии под именем А. Маквица закончившего Парижский институт глухонемых» [12, с. 5].

Главный редактор бюллетеня «Коммуникация» В.Ф. Мелеховец впервые среди специализированных изданий стран постсоветского пространства, начиная с 1998 г., поднимает проблемы истории глухих и жестового языка.

«Интересен исторический факт, что после открытия в 1806 г. училища глухонемых в Павловской крепости, императрица Мария Фёдоровна в своей переписке с директором Парижского института глухонемых аббатом Сикаром оживлённо обсуждала проблемы обучения глухих. По предложению аббата должны были приехать в Россию глухой Лоран Клерк и Жоффри, но Александр I посчитал дорогостоящим удовольствием и пригласил одного педагога Жоффри... Это был период войны с Наполеоном.» [12, с. 9–10].

Сохранившиеся сведения свидетельствуют о том, что ещё ранее императрица Екатерина II вела переписку с основателем первого в мире специального учреждения – Парижского института глухонемых Шарлем Делеле [1, с. 9]. С чем связан подобный интерес Екатерины Великой к образованию глухих? Как пишет академик Н.А. Малофеев, это был один из периодов правления монархов в Российской империи, когда их участие можно отнести ко второму этапу эволюции формирования отношения общества и государства «...к осознанию ответственности за социальную опеку инвалидов и первому признанию возможности обучения глухих...» [10, с. 59].

История глухих претерпевала значительные изменения и умышленные искажения в связи с господствующей идеологией в обществе, зачастую не имея ничего общего с реальной действительностью. С конца 80-х гг. XX в. началась переоценка исторических событий, связанных с историей Беларуси. В частности, интерес представляет вопрос: кто и когда начал профессиональное обучение глухих в Беларуси.

Первые учреждения для глухонемых создавались и существовали за счёт филантропиче-

ских и добровольных пожертвований богатой знати, платы за пансион и мизерные субсидии некоторых местных управлений и церковных приходов. В Беларуси до 1917 г. только 12 чел. смогли получить начальное образование в частной школе, открытой учителем И.О. Васютовичем – выпускником Санкт-Петербургского училища глухонемых, учеником и последователем В.И. Флёри. За учёбу родители неслышащих учеников платили по 5 руб. в мес. [3, с. 12]. Интересен сам факт, что И. Васютович ставил своей целью открыть частную школу для глухих детей, чтобы «...помочь своему глухому племяннику Володе Васютовичу» [3, с. 11] получить образование, который впоследствии стал одним из основателей Белорусского общества глухих [11].

Для современных исследователей истории глухих представляет интерес создания подобных учреждений в Беларуси, так как в официальной истории сурдопедагогики и исследованиях ученых советского периода немало противоречий. В специальной литературе 20–30-х гг. XX в. начало обучения глухих связывалось с царской семьей, но тут же делалась оговорка о том, что это был всего лишь филантропический подход, касавшийся исключительно детей из богатых семей, в то время как дети бедных слоёв населения Российской империи были лишены возможности получить образование. В 50–60-е гг. XX в. возобладали точка зрения, отрицавшая участие царской семьи в организации просвещения глухих. Начало обучения глухих в истории сурдопедагогики стремились отнести к XI в., а формирование системы – ко второй половине XVIII в. [2].

Аналитический подход наблюдается в статье И.М. Боблы, размещённой в бюллетене «Коммуникация», что с середины XVIII в. на белорусско-литовских землях «начинается процесс постепенного обмирщения культуры» и складывается более благоприятная интеллектуальная атмосфера. С этого времени продолжалось активное накопление и обобщение научно-медицинских и психолого-педагогических знаний, послуживших основой для выводов о наличии у детей с нарушениями зрения, слуха, речи и интеллекта компенсаторных возможностей, о целесообразности и необходимости организации специального воспитания и обучения детей с тотальным нарушением деятельности отдельных органов чувств [4, с. 3]. Материалы статьи достаточно глубоко отражают многие аспекты становления образования с нарушением слуха. Вместе с тем, следует отметить, что в ней изложены лингвистические, фольклорно-этнографические и юридические

материалы, отражающие положение детей с нарушением слуха в обществе. Указанные публикации представляют интерес для проведения более глубоких исследований по истории глухих как науки [5].

Рассматривая отношение видных советских государственных деятелей к глухим и жестовому языку, среди них следует выделить Н.К. Крупскую и И.В. Сталина, что, с исторической точки зрения, мы можем констатировать, как факт официальной идеологии. Интересен и поучителен пример Н.К. Крупской, убежденной марксистки, преданной идеалам революции. Н.К. Крупская много лет являлась одним из создателей и руководителей советской педагогики. Однако, наряду с марксистско-ленинской ортодоксальностью, ей были присущи гуманистические убеждения. В отличие от И.В. Сталина, глухие в ее картине мира занимали совсем противоположное место. Н.К. Крупская получила европейское образование, воспитывалась в лучших семейных традициях, собственных прогрессивной интеллигенции, что позволило сформировать у нее определённый менталитет и взгляд на глухих и жестовый язык. Как пишет российский исследователь жестового языка и истории глухих Г.Л. Зайцева, «мы находим высказывания Н.К. Крупской о глухих, проникнутые пониманием их проблем, интересом к их жизни и судьбе, размышлениями об их месте в обществе. Из истории её детства мы узнаем, что Н.К. Крупская познакомилась с двумя глухими детьми – Машей и Сашей, она любила играть с ними, наблюдала, как они разговаривают между собой и со своей матерью, и у нее сформировалось представление о глухих, как о гордых людях, стремящихся к независимости. Н.К. Крупская подчеркивает, что общение глухих на жестовом языке произвело на неё огромное впечатление. Жестовый язык показался ей очень выразительным и впечатлительным, иначе говоря, Н.К. Крупская признает, что жестовый язык вполне эффективно осуществляет свою коммуникативную функцию» [7, с. 6]. Глухие дети, по мнению Н.К. Крупской, по своему интеллекту вполне нормальные дети, имеют те же интересы и навыки, что и слышащие сверстники. Это – «наши дети», «наши люди», и общество обязано предоставить им равноправие и независимость. «Закон и говорящее окружение должны защитить их право, необходимо всячески помочь войти им в жизнь, занять в ней свое место» [9, с. 24–25].

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что отношение к глухим и жестовому языку являлось неотъемлемым атрибутом государственной политики в СССР. Как указывает Г.Л. Зайцева, в сталинский период «социалистическое сознание советского общества провозглашало постоянно лозунг всеобщего равноправия всех граждан Страны Советов. Советская Конституция содержала положение о предоставлении гражданам страны всех политических и гражданских прав» [7, с. 5]. Вместе с тем жестовый язык был запрещён в специальном образовании, когда господствовал «чистый устный метод».

Материалы из выступлений И.В. Сталина убедительно доказывают, что он по своей ментальности был полной противоположностью Н.К. Крупской. И.В. Сталин указывал, что «... глухонемые – биологически и социально – ненормальные люди, не имеющие языка. Мысли глухонемых возникают и могут существовать лишь на базе тех образов и представлений, которые складываются у них в быту ..., благодаря чувствам зрения, осязания, вкуса, обоняния» [18, с. 41]. Обсуждение проблем «аномальных» и «безъязычных» глухонемых не представляет интереса для социалистического общества (провозгласившего равноправие!)» [7, с. 6], к такому выводу приходит Г.Л. Зайцева и далее, «ручной» язык глухонемых – «это не язык и даже не суррогат языка», потому что он крайне бедный и ограниченный. Его нельзя приравнять к звуковому языку, как «нельзя приравнять первобытную мотыгу к современному гусеничному трактору с пятикорпусным плугом...» [18, с. 40]. О государственной политике по отношению к глухим в этот период красноречиво свидетельствует следующий факт. В детском городке Парка культуры и отдыха в Москве и других городах Советского Союза висели плакаты: «Глухонемые и слепые не принимаются». Такие представления о глухих людях коммунистического лидера вполне объясняют, почему «ненормальным» и «безъязычным» глухим детям нельзя играть в парке со своими нормально слышащими сверстниками! К сожалению, сформированная ментальность в эпоху тоталитаризма не изжила себя полностью, последствия которой мы ощущаем и сегодня как пережиток прошлого.

Следует подчеркнуть, что любые высказывания И.В. Сталина сразу же возводились в ранг непогрешимого догмата и закона. Этим, в частности, объясняется тот факт, что проблема жестового языка практически ушла из советской

сурдопедагогики на целые десятилетия, исследования жестового языка были строжайше запрещены. Как нам представляется, вполне понятен и объясним вывод: высказывания и идеи коммунистического лидера нанесли огромный урон обучению глухих и изучению жестового языка в бывшем Советском Союзе.

В статье Г.Л. Зайцевой «История глухих: предмет и объект» впервые в постсоветском пространстве затрагивается тема истории глухих с научной точки зрения, что представляет большой интерес для нашего исследования: «...История глухих – это новая дисциплина, которая возникла на основе и в результате развития самого научного знания: лингвистики, психолингвистики, социологии, и, конечно, истории. Рождение истории глухих обусловлено изменениями, произошедшими в современном обществе, в его рефлексии, которые неразрывно связаны с научным прогрессом. Становление истории глухих отражает новое самосознание социума глухих...» [7, с. 5]. При исследовании отечественной историографии невозможно не согласиться с российским автором, так как в отечественных публикациях содержатся лишь отрывочные и разрозненные сведения по истории глухих и общественного объединения «Белорусское общество глухих».

В статье «Диалог с Л.С. Выготским о проблемах современной сурдопедагогики» Г.Л. Зайцева рассматривает проблемы жестового языка и его ведущую роль в образовании глухого ребёнка, как «родного языка» глухих. [6, с. 23]. Диалог великих учёных – сторонников социокультурной парадигмы, живших в разные исторические эпохи, актуален с научной точки зрения, так как «исследования Выготского настолько опережали время в 30-е гг., что один из современников назвал его «гостем из будущего» [17, с. 200].

Американский нейропсихолог Оливер Сакс в своей книге «Зримые голоса», которая была переведена на русский язык и издана в Москве в 2014 г., пишет: «Работы Выготского вызвали большое подозрение у марксистских идеологов, и книгу «Мышление и речь», которая вышла в свет в 1934 году, после смерти автора, через два года запретили как «антимарксистскую», «антипавловскую» и «антисоветскую» [17, с. 200]. Л.С. Выготский в 30-е гг. XX в. нашёл смелость проводить клинические и экспериментальные исследования на предмет полиглоссии (словесный и жестовый язык) глухого ребёнка. При этом следует иметь в виду, что исследова-

ние данной проблемы было строжайше запрещено после выступления И.В. Сталина.

В статье И.К. Русакович и В.Ф. Мелеховых «Анализ международного опыта в сфере защиты социальных, культурных и образовательных прав лиц с нарушением слуха» (2014 г.) справедливо отмечается, что «отношение к правам на жестовые языки на современном этапе оказывается предметом политического, научного и общественного дискурса, имеет исторические, медицинские, экономические, философские, культурные, юридические и социальные аргументы, которые отражают СМИ» [16, с. 54].

Г.Л. Зайцева отмечает, что «...отношение к микросоциумам глухих как культурным и языковым меньшинствам повлекло за собой признание многими государствами статуса жестовых языков и права глухих получать образование на жестовом языке...» [12, с. 24]. В статье акцентируется внимание на деятельность национальных ассоциаций глухих, отстаивающих признание лингвистических прав, так как на протяжении более двух столетий резолюцией Миланского конгресса по образованию глухих ICED жестовый язык был запрещён в 1800 г. [13].

В статье И.М. Боблы и И.Ю. Макавичик «Становление государственной системы специального образования в Советской Белоруссии (1919–1940 гг.)» рассматривается вопрос о месте белорусского и русского языка в обучении детей с нарушением слуха [5, с. 56]. При этом авторами фактически не ставится проблема жестового языка в специальном образовании.

Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко 28 сентября 2015 г. в здании Генеральной ассамблеи ООН подписал «Конвенцию о правах инвалидов» – важнейший Международный правовой документ [14], что является свидетельством признания социокультурных и лингвистических прав глухих в начале XXI в.

Заключение. Таким образом, история лиц с нарушением слуха не стала предметом специального изучения в трудах историков. Имеются лишь разрозненные публикации, посвящённые истории сурдопедагогики, обучению глухих жестовому языку и др. Отрицательное отношение советского партийного руководства к обучению и воспитанию детей с патологией слуха, то есть с психофизическими особенностями развития, определило отсутствие интереса со стороны историков к данной проблеме на долгие десятилетия. Лишь в постсоветский период появляются первые научные публикации, предметом

исследований которых становятся отдельные аспекты истории глухих. Что касается специализированного «Белорусского общества глухих», созданного в 1931 г., то до нас дошли лишь справочные материалы о деятельности данного общественного объединения, приуроченные к юбилейным датам.

В силу этого, представляется необходимым проведение исследований, предметом которых должны стать разнообразные стороны жизнедеятельности глухих, политика властей по их социальной адаптации и интеграции в общество.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамов, И. А. История глухих / И. А. Абрамов // Коммуникация. - 1998. - № 2. - С. 8-9.
2. Басова А. Г., Егоров С. Ф. История сурдопедагогики: учеб. пособие для студентов дефектол. фак. пед. ин-тов. - М.: Просвещение, 1984. - 295 с., ил.
3. Бобла, И. История Глухих / И. Бобла // Коммуникация. - 1998. - № 1. - С. 10-13.
4. Бобла, И. История Глухих / И. Бобла // Коммуникация. - 1999. - № 6. - С. 5-9; № 7. - С. 3-5.
5. Бобла, И. М. Становление государственной системы специального образования в Советской Белоруссии (1919-1940 гг.) / И. М. Бобла, И. Ю. Макавич // Спец. адукац. т. - 2010. - № 4. - С. 64-68; № 5. - С. 56-66.
6. Зайцева, Г. Л. Диалог с Л. С. Выготским о проблемах современной сурдопедагогики / Г. Л. Зайцева // Дефектология. - 1998. - № 2. - С. 3-10.
7. Зайцева, Г. История глухих: предмет и объект / Г. Зайцева // Коммуникация. - 1999. - № 5. - С. 5-6.
8. История Белорусского общества глухих: [в 2 ч. 1 / сост. и отв. ред. С. К. Ганеева. - Минск: Белорус. ин-т систем. анализа и информ. обеспечения науч.-техн. сферы, 2016. - Ч. 1. - 361 с.
9. Крупская, Н. К. Мои глухонемые приятели / Н. К. Крупская // О наших детях. - 1929. - № 9. - С. 24-25.
10. Малофеев, Н. Н. Специальное образование в меняющемся мире. Россия. Учеб. пособие для студентов пед. вузов. В 2 ч. Ч. 1 / Н. Н. Малофеев. - М.: Просвещение, 2010. - 319 с.: ил.
11. Мелеховец, В. Династия Васютовичей: годы, отданные глухим / В. Мелеховец // Коммуникация. - 1999. - № 3. - С. 5.
12. Мелеховец, В. Ф. Император и императрица / В. Ф. Мелеховец // Коммуникация. - 2000. - № 1. - С. 3-11.
13. Мелеховец, В. Ф. Новая эпоха участие и сотрудничество глухих / В. Ф. Мелеховец // Спец. адукац. т. - 2010. - № 6. - С. 61.
14. Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. - Режим доступа: <http://president.gov.by/ru/news/ru/view/aleksandr-lukashenko-podpisal-konventsiju-o-pravah-invalidov-12211>. - Дата доступа: 18.02.2017.
15. Радищев, А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения: к 150-летию со дня смерти, 1802-1952 / А. Н. Радищев; под общ. ред. и со вступ. ст. И. Я. Щипанова. - М.: Госполитиздат, 1952. - 676 с.
16. Русакович, И. К. Анализ международного опыта в сфере защиты социальных, культурных и образовательных прав лиц с нарушением слуха (по материалам II Международной конференции «Лингвистические права глухих») / И. К. Русакович, В. Ф. Мелеховец // Спец. адукац. т. - 2015. - № 5. - С. 52-59.
17. Сакс, О. Зримые голоса: пер. с англ. / О. Сакс. - М.: АСТ, 2014. - 286 с.
18. Сталин, И. В. Марксизм и вопросы языковедения: сборник / И. В. Сталин. - М.: Госполитиздат, 1950. - 56 с.
19. Флери, В. И. Глухонемые, рассматриваемые в отношении к их состоянию и к способам образования, самым свойственным их природе / В. И. Флери. - СПб.: Тип. А. Плюшара, 1835. - XII, 306 с.